

На душе у Тан Шэня скребли кошки, и ему до смерти хотелось уснуть еще раз, чтобы позабыть все эти нелепые невзгоды — к примеру, то, как Ван Чжэнь ни с того ни с сего похлопал его по щеке, и как сам он крикнул Ван Цзыфэну:

— Не смей хлопать меня по лицу!

Но завтра предстоял новый экзамен, поэтому Тан Шэнь лишь тяжело вздохнул и постарался поскорее уснуть.

На следующий день, когда на дворе стояла еще глубокая темень, более десяти тысяч экзаменующихся вновь потянулись к Академии экзаменов Шэнцзина. Тан Шэнь огляделся по сторонам и заметил, что людей стало примерно на десятую часть меньше, чем три дня назад. Он тихо вздохнул, понимая: одни не выдержали тягот первых трех дней и слегли с тяжелой болезнью, лишившей их возможности продолжать борьбу, другие же, осознав, что провалили первый тур, сочли бессмысленным сдавать оставшиеся два и предпочли вернуться домой, чтобы засесть за книги и попытать счастья еще через три года.

Впрочем, для него это было даже на руку — убавилось соперников.

Тан Шэнь собрался с духом и вошел в свою экзаменационную келью. В полночь главный экзаменатор поднялся на башню Минъюань и изо всей силы ударил в гонг.

Бум!

Служители принялись раздавать экзаменующимся свитки с заданиями.

Второй тур провинциального экзамена требовал от кандидатов написать пять сочинений в жанре багувэнь на темы, выбранные из Пятикнижия. Это не означало, что из каждой книги брали по одному вопросу; экзаменатор предлагал двадцать пять тем — по пять на каждый канон. Кандидаты могли выбрать одно из писаний на свое усмотрение и написать по нему пять канонических эссе.

Тан Шэнь без малейших колебаний открыл раздел с пятью темами по «Чжоу и».

На красной бумаге экзаменационного листа отчетливо виднелись пять заданий:

Первое: «Неустанно укреплять свои силы».

Второе: «Малое свершение».

Третье: «Благородный муж проводит различия».

Четвертое: «Разве это не небесный путь?».

Пятое: «Создавать музыку, дабы чтить добродетель».

Стоило Тан Шэню бросить взгляд на первую же тему, как его брови поползли вверх, а в груди екнуло предчувствие беды.

То, что ученый Ян благоволит к «Чжоу и», Тан Шэню поведал Ван Чжэнь, и в правдивости этих слов сомневаться не приходилось. Выбрав «Чжоу и», Тан Шэнь наверняка мог рассчитывать на благосклонность главного экзаменатора. Однако познания ученого Яна в этом каноне были слишком глубоки, и предложенные им темы одна за другой вызывали лишь головную боль.

«Великая добродетель поддерживает все сущее» — исходное же изречение звучит как «Движение неба исполнено силы; благородный муж неустанно укрепляет свои силы», что означает стремление благородного мужа непрестанно двигаться вперед и усердно учиться.

«Малое свершение» восходит к строке «Малое свершение. Благоприятно иметь куда выступить. Благоприятно свидание с великим человеком». «Малое» здесь означает смирение и осмотрительность, а «свершение» указывает на гладкий, успешный ход дел. Лишь проявляя скромность и осторожность, можно добиться успеха во всем. Это было требованием благородного мужа к самоограничению.

Следующие три темы: «Благородный муж проводит различия» — требование к благородному мужу четко отличать истину от лжи; «Разве это не небесный путь?» — указание на необходимость умело использовать способности мудрых и достойных людей; и, наконец, «Создавать музыку, дабы чтить добродетель» — цитата из фразы «Древние цари создавали музыку, дабы чтить добродетель», что означало: мудрые правители древности слагали песнопения во славу великих деяний.

Словом, первые три темы касались внутренних качеств благородного мужа, его самодисциплины и нравственных ограничений. Последние же две можно было истолковать как советы тем, кто стоит у власти.

Каждая из тем давала огромный простор для рассуждений. Вместе с тем между ними прослеживалась тонкая, едва уловимая взаимосвязь. В особенности это касалось первых трех пунктов, которые так и просились связаться воедино. Но напиши ты одно эссе, и для двух других придется придумывать схожие доводы — это практически означало трижды написать одно и то же сочинение.

Тан Шэнь мысленно взмолился: «Ученый Ян и впрямь души не чает в „Чжоу и“!»

Но что за зубодробительные темы он умудрился выдать!

Тан Шэнь просмотрел остальные экзаменационные листы с темами по другим канонам. Как он и ожидал, вопросы по «Чжоу и» оказались самыми сложными!

Выбор «Чжоу и», конечно, мог расположить к себе ученого Яна, но написать достойные эссе по этим пяти темам было невероятно трудно!

Пока Тан Шэнь предавался напряженным размышлениям, рассвело. Взошедшее солнце осветило бесчисленные, похожие на пчелиные соты экзаменационные кельи Академии. Император восседал на троне лицом к югу, а его подданные обращали взоры на север, выражая покорность, поэтому все кельи в Академии смотрели строго на север. Солнечные лучи наискось проникали в каморку. Тан Шэнь прищурился, глядя на поднимающееся светило.

Стиснув зубы, он отбросил сомнения: «Даже если выйдет неидеально, ну и что? Это же „Чжоу и“. Главное — не отклоняться от темы и не писать крамолу, тогда ученый Ян не станет занижать оценку. К тому же я вполне уверен в первом туре провинциального экзамена. А пять тем второго тура — это лишь дополнительные баллы, так что все должно пройти гладко».

Приняв решение, Тан Шэнь вновь внимательно вчитался в пять тем.

«Благородный муж проводит различия, стремится к малому свершению, неустанно укрепляет свои силы; тогда его путь устремится по небесной дороге, и будет он создавать музыку, дабы чтить добродетель!»

Глаза Тан Шэня ярко вспыхнули.

Вопросы были слишком сложными, а их тематика перекликалась. С его двухлетним опытом написания багувэнь трудно было создать нечто выдающееся обычным путем. Однако и Лян Сун, и Ван Чжэнь в один голос твердили: сильная сторона Тан Шэня в написании этих сочинений заключается не в изящном слоге или безупречной логике, а в его оригинальном подходе к раскрытию темы. Раз так, почему бы не пойти еще более необычным путем?

Взять и объединить все пять тем в один масштабный труд!

Этот великий труд будет разделен на пять частей, каждая из которых станет самостоятельным эссе, но в то же время останется неотъемлемой долей единого целого. Связанные воедино, пять сочинений сложатся в масштабное полотно о «поиске пути благородным мужем и мудрости совершенномудрых». Столь смелый замысел должен был компенсировать недостаток глубоких познаний.

Обретя ясность мысли, Тан Шэнь набросал на черновике логическую схему, определяя связи между пятью темами и распределяя их по принципу соподчинения и параллелизма.

Лишь к вечеру второго дня провинциального экзамена он окончательно упорядочил все связующие нити между темами и принялся переносить текст в чистовик.

К теме ученого Яна «Неустанно укреплять свои силы» Тан Шэнь занес кисть над бумагой и вывел:

— Сила победы над собой есть закон Неба, коему следует благородный муж, взыскующий Пути. Проводя малые различия в поступках и ступая стезей предначертанной, он соединяет свою добродетель с волей Неба, восходя к высшему пределу божественного преображения...

Закончив первое пространное эссе, Тан Шэнь не стал делать перерыв. Поймав волну вдохновения, он быстро набросал второе.

Написав три сочинения подряд, он забылся глубоким сном. Проснувшись, при свете луны и свечи он закончил оставшиеся два.

На дворе вовсю пели петухи — наступил последний день экзамена.

Тан Шэнь проспал без задних ног несколько часов, а проснувшись, аккуратно переписал все пять эссе изящным каллиграфическим почерком гуаньгэти, высушил чернила и сдал работу.

Кандидаты, завершившие экзамен раньше срока, потянулись из ворот Академии экзаменов Шэнцзина. Был всего лишь час шэнь третьего дня. Яо Сань и Фэнби прохлаждались под тенью раскидистой ивы перед зданием Академии и, внезапно завидев Тан Шэня, даже не сразу поняли, что происходит. Когда тот подошел ближе, Яо Сань торопливо поднялся:

— Молодой хозяин, вы уже закончили?

Тан Шэнь с улыбкой ответил:

— Раз написал, то, конечно, закончил.

Вроде бы логично. Яо Сань почесал затылок:

— Тогда пойдете домой, отдыхать.

Тан Шэнь огляделся по сторонам:

— Брат Цзыфэн сегодня не приходил?

— Не приходил. Молодой хозяин ждет Ван Цюаня?

Тан Шэнь замялся:

— ...Нет, идем.

Отдохнув дома один день, на следующее утро Тан Шэнь снова отправился на экзамен.

Третий тур провинциального экзамена был скорее пустой формальностью, поэтому все кандидаты выглядели расслабленными. Пройдут они или нет, по сути, уже решилось в предыдущих турах. В этот раз им предстояло писать рассуждения на тему текущей государственной политики. Откуда простым кандидатам смыслить в управлении страной? Все их рассуждения — лишь бумажные битвы! Да и сами экзаменаторы не ждали от них великих политических трактатов — лишь бы не писали ничего дерзкого и крамольного, подрывающего основы, и этого было вполне достаточно, чтобы получить проходной балл.

Тан Шэнь писал без всякого напряжения. Когда через три дня он покинул стены Академии, первым делом по возвращении домой он отправился мыться.

Погрузившись в теплую воду деревянной бочки, Тан Шэнь блаженно выдохнул:

— Хорошо-то как!

Впрочем, долго бездействовать он не стал. Умывшись и переодевшись в чистое платье, Тан Шэнь, пока окончательно не стемнело, отправился в поместье Фу.

Фу Вэй держал в руке горсть корма, подкармливая двух попугаев в своем кабинете. Заметив Тан Шэня, он насыпал ему в ладонь немного зерен. Тан Шэню эта сцена показалась до боли знакомой: в памяти мгновенно всплыл чей-то изысканный, благородный силуэт. Слегка опешив, он посмотрел на Фу Вэя и произнес:

— Учитель, ученик закончил провинциальный экзамен.

Услышав это, Фу Вэй посерьезнел:

— И как только язык поворачивается говорить «закончил провинциальный экзамен»? Цзинцзэ, у тебя явные проблемы с построением фраз!

Тан Шэнь не знал, смеяться ему или плакать:

— Слушаюсь, слушаюсь. Провинциальный экзамен вашего ученика подошел к концу.

Фу Вэй усмехнулся:

— И как успехи?

Тан Шэнь призадумался:

— В первом туре написал, кажется, неплохо, даже превзошел ожидания. Во втором все тоже прошло гладко. А в третьем, где требовалось порассуждать о политике, я не слишком силен,

так что последовал совету брата Цзыфэна — писал честно и сдержанно, без излишнего пыла.

Фу Вэй хмыкнул:

— Да кто тебя об этом спрашивает?

— А?

— Я спрашиваю, благоухал ли в экзаменационных кельях Шэнцзина аромат пота, нечистот и грязных ног?

Тан Шэнь лишился дара речи.

Ну что за человек!

Девятнадцатого августа, всего через день после завершения всех трех туров провинциального экзамена в Академии Шэнцзина, служители закончили клеивать имена кандидатов на более чем тридцати тысячах работ и перенесли их в зал для проверки. Горы экзаменационных свитков громоздились до потолка, и при взгляде на них у чиновников ведомства образования и ученых мужей головы шли кругом.

Перед тем как приступить к проверке, главный экзаменатор ученый Ян поднял чашу:

— Заменим вино чаем, уважаемые коллеги. За десять дней нам предстоит оценить десятки тысяч работ. Мой тост за вас!

— За ваше здоровье, господин ученый!

Осушив чаши, чиновники уныло принялись за десятидневный марафон проверки свитков.

<http://bllate.org/book/18292/1754510>